

фантастическая
история

МОСКВА, 2011

фантастическая
история

Марик Лернер

Мусульманская
Русь

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

С благодарностью Canadagoose за помощь.
Марик Лернер

Если бы Аллах пожелал, Он бы сделал вас одним народом: одного цвета и одной веры, без различия, и сотворил бы вас по-другому, как сотворил ангелов, не имеющих права выбора. Но Аллах пожелал, чтобы вы не были одним народом, одной расой, а чтобы вы обладали возможностью выбирать.

Коран. 16:93

Сентябрь 1931 года

Я стоял, опираясь на ограждение у борта, поздно ночью на верхней палубе парохода с идиотским названием «Ольвия» и пытался настроиться на лирический лад. Прекрасные звезды таинственно мерцают. На них хорошо смотреть в пустыне или в море. Еще в горах замечательное зрелище. Воздух чистый, и не мешает дым, как в городах. Там, где это не просто от печек, а еще и заводы прилежно трудятся, и вообще ничего не увидишь. Прогресс — он имеет и свои отрицательные стороны. Отвратительный запах от заводов и длинные трубы, закрывающие горизонт. При этом возвращаться в леса или пасти конские табуны в диких степях как-то не хочется — жить в комфорте гораздо приятнее.

Морские просторы, плеск волн, рассекаемых этим... форштевнем, противнейшие крики чаек. Никаких чудовищ, выползающих из глубин, не наблюдалось, но я ненавижу морскую воду! Еще с тех пор, как высаживался под Порт-Саидом. Ну да, я не бежал впереди с перекошенным лицом, норовя насадить на штык очередного идиота в чужой форме, мне хватило этого выше крыши в свое время в Австрийскую, а болтался сзади в качестве военного корреспондента. Это не моя война, но, когда снаряд попал в наше корыто (и что особенно интересно — единственный снаряд, куда-то попавший), я птичкой вылетел за борт и едва не утонул. Хоро-

ших воспоминаний об этом страшно веселом приключении не сохранил.

Еще луна светит не хуже лампы и нахально подмигивает. В детстве я никак не мог понять, почему она у египтян на боку лежит, а не расположена как у нормальных людей. Теперь знаю. Она у каждого народа своя и любит показываться в разных видах. На севере ее за лодку не выдашь: днище не в той стороне. Чтоб не сомневались, что это чужое место.

Откуда американцы выкопали такое название для своего роскошного корабля, мне не понять. Зачем они вообще плавают в круизы по Средиземному морю — тем более. Две сотни пассажиров первого класса, половина из которых разбогатела на торговле нелегальным спиртным, а вторая — прожигатели родительских капиталов, обнаружившие в себе страстное желание поближе познакомиться с культурой Европы. Марсель, Лион... Пирамиды Египта, греческие храмы античности, итальянские памятники, святые места Иудеи, таинственные просторы заснеженной России. Как они собираются встретиться с тайгой, остановившись в Одессе, или узнать Турцию, мимоходом осмотрев международную зону Истамбула, тайна велика и глубока. Зато программа страшно насыщена, и, вернувшись в родной Арканзас, можно небрежно так, сквозь зубы процедить: «Да был я в этой Венеции, ничего особенного!» Это стоит дороже денег, потраченных на поездку.

Мне, если честно, глубоко плевать на все эти нюансы. Трехлетнее сидение на Ближнем Востоке закончилось, и после законного месячного отпуска я назад не вернусь. Торопиться мне некуда и незачем, а лишнее время стоит употребить на приведение в порядок своих записей и очерков. Пока что мне тонко намекнули на возможность издать мои труды в виде отдельной книги, при условии приведения ее в нормальный вид и сращивание концов в статьях и рассказах. Деньги лишними не бывают, и прошли времена, когда меня евреи в каждом баре бесплатно поили. Жители Иудеи остались за спиной, и рассчитывать на это в дальнейшем не стоит.

Я уже понял, что жизнь на корабле чрезвычайно скучна, но зато никто не лез в душу с приставаниями. Я старательно делал вид, что английского не понимаю, а иногда это так и

было. Американский английский серьезно отличался от привычного мне нормального британского — такое впечатление, что у них вечно во рту что-то имеется, и все фразы выходят малопонятными и совершенно невнятными.

Большинство пассажиров прямо с раннего утра наливалось алкоголем — и так и ходили до очередного греческого порта. Там они тащились, еле передвигая ноги, мучаясь похмельем и головной болью, мечтая, чтобы экскурсовод заткнулся и оставил их в покое. Все эти живописные достопримечательности и развалины их волновали приблизительно как меня. Только у меня была цель, а чего всех этих типов понесло в круиз по Средиземноморью, понять было сложно. Напиться до скотского состояния они могли прекрасно и в родной Америке.

— У тебя не будет закурить? — спросил сзади женский голос с милой хрипотцой.

Я повернулся, доставая из кармана пачку французских сигарет.

— Пойдет, — согласилась женщина, доставая сигарету для себя. Она почти лежала в шезлонге, вытянув ноги. Я присел рядом, щелкая зажигалкой. В колеблющемся свете рассмотрел и понял, что уже раньше видел ее.

На корабле была большая группа разнообразных артистов, работающих для увеселения скучающих пассажиров. По вечерам они давали целые концерты, во время которых мало кто обращал внимание на поющих или рассказывающих анекдоты, кроме меня. Неистребимое желание вовремя натолкнуться на что-то интересное и здесь мешало нормально расслабиться. Профессиональная болезнь журналиста — ловить интересный случай или срочно зафиксировать хорошую шутку. Сейчас без надобности — потом пригодится.

Выступления артистов проходили под смачное чавканье публики в зале и бесконечную выпивку. Пару раз изрядно подгулявшие пассажиры устремлялись прямо на сцену, намереваясь показать, какие они замечательные танцоры. Зрелище было убогим. Я все больше тренировался в общении. Говорил-то более или менее нормально, но попробуй на слух разобрать песни, да еще и понять, о чем они. Некоторые словосочетания ставили в тупик, но в поэзии это всегда

так. Адекватно перевести на другой язык невозможно, в этом и интерес — разобраться. Как ты начинаешь понимать песни, значит, проблем в общении не будет.

С юмором та же история. Иные шутки поймут только носители языка. Не каламбуры всякие, а то, что на злобу дня. Американское кино настырно лезло во все дырки, вытесняя европейское, и все-таки в кинотеатрах показывали не худшие образцы продукции, но, по мне, слишком часто Голливуд работал на потребу зрителя с невзыскательными вкусами.

— Не хочу идти к себе в каюту, — доверительно сказала женщина.

Я напрягся и вспомнил имя — Анастасия. То есть вроде это сценическое, но другого я не помнил. Достаточно странно звучит для американцев, но их эстрада до сих пор особо не волновала.

— Суки наши хозяйева, и кризис весь сучий... Запихали в одну комнату сразу четырех разновозрастных баб, чтобы сэкономить. Одна храпит всю ночь. Другая, как натуральная проститутка, мужиков водит и деньги с них берет, а третья все по магазинам в портах бегаёт и ищет что подешевле. Потом тащит все в каюту, повернуться уже негде. — Она взмахнула рукой с горячей сигаретой и громко заявила: — Достали уже все!

До меня с изрядным запозданием дошло, что она порядочно выпила.

— Жизнь собачья, приходится стараться для всяких козлов, — продолжала она рассказывать мне, — платят ерунду, да еще лезут с указаниями. Докатилась до ресторанной певички!

Ее понесло на тему богатых хозяев жизни, причем в выражениях она не стеснялась. В книгах такие фразы не печатают, а после произнесения по радио увольняют диктора.

Вообще-то меня обычно заводят другие женщины. Высокие брюнетки с длинными волосами, с большой грудью и широкими бедрами. Это был не тот случай. Маленькая блондинка с короткой стрижкой и в халатике, который, особо ничего не скрывая, демонстрировал купальник. Грудь там была... Как раз в ладонь спрятать. Но ноги красивые, и я отдыхал, а в таких случаях положено развлекаться.

— Зато у меня каюта имеется отдельная, — сообщаю. — Пойдем покажу.

— Да? — удивленно-радостно восклицает она — И выпить есть?

Тут она сделала попытку подняться, но при этом ее основательно шатнуло, так что пришлось срочно поддержать. Веса в ней было немного, особых проблем в доставке ко мне быть не могло, но всю дорогу она порывалась что-то спеть, время от времени повисая на мне и теряя тапочки. Первый раз я ее прислонил к стене и надел их ей на ноги вновь, во второй просто сунул эти лишние предметы в карман и, перекинув через плечо новообетенную знакомую, понес по ступенькам вниз. Она довольно кричала про похищение и звала на помощь, заливаясь пьяным смехом.

Я внес ее в каюту и сгрузил на кровать. Отвлекся только на секунду, и она уже сладко спала, разлегшись по диагонали и тихо посапывая. Я тяжело вздохнул. Действительно, не мой тип. Какой смысл был стараться? Завалился рядом, сдвинув ее в сторону. Она, не просыпаясь, что-то пробормотала и вцепилась в подушку.

— Ой, как болит голова, — рано утром сообщила она, садясь на кровати. — Зачем я столько пила?

Она схватила со стола заранее мной приготовленный стакан с водой и начала жадно пить.

Я положил руки за голову и лежа с интересом наблюдал. Вот в ее разлохмаченную голову поступила информация. Растерянный взгляд по сторонам: явно не понимает, где находится. Потом смотрит на меня — и быстрая проверка. Трусики на месте. Уже не знает, что и подумать.

— Ты кто? — растерянно спрашивает.

— Я — добрый самаритянин, — торжественно сообщаю, — не бросивший пьяную женщину на произвол судьбы и уложивший ее в кровать. Без всяких сексуальных приставаний. «Хотя, — я откровенно осмотрел ее с головы до ног, — может, и стоило».

Вслух я этого говорить не стал, но в солнечном свете, даже в таком не слишком адекватном состоянии и не накрашенная, она очень даже приятно смотрелась. Моложе, чем мне казалось издали, где-то даже тридцати нет, стройне-

нькая, тонкая шея и симпатичное личико с чистой кожей. И спинка такая... соблазнительно гладкая. Да и на ощупь она мне понравилась: пока тащил на себе, обнимая за талию, пихая в попу и хватая за прочие места, чтобы не рухнула, организм вполне себе одобрительно реагировал.

— Просто, — поясняю для слушательницы, — не люблю, когда женщина ничего не соображает. Таблетки от головной боли я положил на стол. Ага, — соглашаюсь, когда она берет в руки упаковку, — вот эти самые. Лучше две. Хорошо помогают.

Она торопливо налила из графина в стакан воды и запила, быстро закинув в рот.

— Душ там, — показал я. — Полотенце тоже имеется. Одежды женской, извини, нет.

Она внимательно посмотрела на меня и, завернувшись в простыню, удалилась в указанном направлении. Через минуту оттуда послышался шум воды.

Впереди еще неделя путешествия, и совместить приятное с полезным всегда неплохо. Лучше всего языки изучать в постели, да и сам процесс мне интересен. Люблю начало новой жизни! Не имеешь понятия, что тебя ждет, и должен быть готов ко всему. Кровь играет, голова постоянно работает, рассматривая варианты, новые интересные люди возникают.

— Так как тебя все-таки зовут, добрый самаритянин? — спрашивает она, вернувшись.

— По паспорту — Берислав Темиров, — изображая вежливый поклон, говорю я. Пока она купалась, я успел встать и одеться. — Можно просто Слава. Друзья зовут Берик.

— Берущий Славу, — задумчиво говорит она. — И что делает потомок известного рода на нашем пароходе? — неожиданно переходя на русский язык, спрашивает.

На самом деле это она только думает, что правильно говорит. В одной фразе две ошибки и неправильное произношение, но в ее исполнении звучит вполне мило и понятно. Что-то похожее я слышал двадцать лет назад в Южной Польше. Австрийские поляки еще местами сохранились по деревням в те времена.

— Это ты путаешь: мы не те Темировы. Совсем другая ветвь. Страшно захудалая и изрядно бедная. Все вечные ин-

женеры, доктора и военные. Впрочем, пользы от нас всегда было больше, чем от родовитых чиновников, но не особо знаемся с теми Темировыми.

— Но ведь такие говорящие имена обычно давали первому в роду с княжеским титулом, — демонстрируя неожиданные познания, возражает.

— Титул у нас теоретически имеется. Не по древности рода, а за заслуги, без земли. Только не у меня — он всегда присваивается первенцу мужского пола. Я всего-навсего третий сын, просто мать у меня была второй женой у отца и с излишним честолюбием, которое стремилась удовлетворить за мой счет. Очень ей хотелось большого будущего для меня. Да и толку от этого, когда все эти родовитые приставки уже очень давно отменили, а у нас и земли-то было в те времена — любой фермер бы обсмеял. Как собирались в родовом поместье всей компанией, так приходилось на улице спать. В дом не вмещались. В детстве мне это очень нравилось. Можно было бегать по нашему саду по ночам и спать в палатке.

— И сколько вас? — с легким испугом спрашивает.

— Ну... человек тридцать прямых родственников, не считая разных двоюродных. Сын и три дочери от первой жены, двое сыновей и дочь от второй. Один, правда, в Австрийскую погиб, но у него двое уже взрослых детей. Так что жены, мужа, дети, родной брат отца, две тетки, старшие братья моей матери. У них свои жены и дети. Много... Как по праздникам собираемся, так вообще тьма народу, не всех и вспомнишь сразу. Родственные связи в нашей жизни до сих пор не последнее дело. В принципе род Темировых, исключительно наша ветвь, — это почти две тысячи человек, и это только близкие родственники, — объяснил я, с удовольствием наблюдая, как у нее округляются глаза.

Полной лекции на тему, что такое род Темировых или еще какой, я все-таки читать не буду, мысленно хмыкнув, подумал я. Уж очень это непривычно прозвучит для воспитанной по-западному. У них в почете индивидуализм и желание поскорее отделиться от родителей и зажить собственной жизнью. Мы не такие.

Наверное, это все-таки влияние ислама. Других объясне-

ний я найти не могу. Пусть нас хоть сто раз считают экстремистами и даже пытаются любыми путями доказать, что мы вредоносная секта, извращающая правильное учение, но в основе мы мусульмане, и от этого никуда не деться. А что в результате приспособления ислама к российским условиям и вызова с Запада вышел такой нетривиальный результат, то пока что все эти арабы прыгают по нашей команде и усиленно кланяются, а не наоборот. Значит, путь был правильным. Мы не Запад и не Восток. Мы — евразийцы. Набрались и от тех, и от других. В целом — положительного, но имеются и неприятные черты. У какого народа их нет.

И при этом, будучи страшно модернизированными снаружи, мы внутри все равно имеем железный стержень и гнуться даже перед российскими законами не собираемся. Семейные конфликты за все время с прихода к власти Диктатуры наружу так ни разу и не вышли. Всегда умудрялись как-то решать без привлечения общественности и юристов. Только значительно повзрослев и много чего повидав, я стал понимать, насколько это сложно — лавировать в таких делах и по возможности быть справедливым и какой авторитет имеет среди остальных мой отец, абсолютно мягкий в семейной жизни. Когда была реальная необходимость, он всегда мог настоять на своем, в обычное время послушно выполняя капризы жены, но кто хозяин в доме — никогда и ни у кого сомнений не возникало.

Род мы действительно небогатый, но система отработана не нами и давно. Каждый работающий отдает в общий фонд десять процентов заработка. Фондом распоряжаются выборные люди, и оттуда идут деньги на помощь нуждающимся, на обучение, лечение. Своего рода страховая компания и банк на разнообразнейшие случаи. Уж на что я далек от всех этих дел и появляюсь дома хорошо если на пару дней в году, но всегда стабильно перечислял в общий фонд. Я не забыл, как в тяжелейшие годы после Австрийской войны и во время кризиса смог учиться именно за счет рода. Если есть возможность помочь кому-то, пусть даже лично мне незнакомому, но из Темировых, я это непременно сделаю. А вот благотворительности вообще не понимаю, не принимаю и участвовать никогда не буду.

— А как насчет твоей жены? — с изрядным любопытством спрашивает женщина. — Не мальчик уже.

— Я вдовец. Она погибла.

— Извини, я не хотела.

— Да ничего. Давно это было, все уже перегорело...

Иногда я думаю — как сложилась бы моя жизнь, если бы не случилось того, что случилось. Любовь? Да не было между нами этой самой неземной страсти. Была дружба, и иногда это важнее. Мы были знакомы с детства и прекрасно друг друга понимали. И точно так же, с детства, мы оба прекрасно знали, что наши родители давно обо всем договорились. Когда я вернулся с войны в далеко не лучшем психическом состоянии, она была рядом и подставила свое далеко не могучее плечо под мои рассыпающиеся мощи.

Уходил-то я один, а вернулся совсем другой. Война и смерть ломает человека, и я не исключение. Идеализм, с которым я пошел добровольцем, добавив себе недостающий год, очень скоро испарился без следа под напором реальной жизни. Ты становишься волком, готовым вцепиться клыками в горло врага, и цель твоя — выжить. Мораль мирного времени исчезает бесследно при виде того, как трупы после очередного наступления складываются в аккуратные штабеля или сваливаются кучей в воронку от тяжелого снаряда. Под газами, пулеметами и многочасовыми артобстрелами ты превращаешься в зверя, который хочет выжить. Говорят, мы потерянное поколение, так и не оправившееся от сломанной в начале века судьбы.

Я ведь тоже мог спиться, как многие другие, если бы не Дарина. Она меня заставила продолжать жить, пиная и пихая. И все уже наладилось более или менее, и цель в жизни появилась с ее беременностью, но захотелось съездить к родственникам домой. Никто не виноват, что как раз вспыхнуло очередное восстание. И шальная пуля, убившая мою жену, тоже ни в чем не виновата. Только мне было глубоко плевать, кто виноват, когда я во второй раз пошел добровольцем. Ярославскую, Кубанскую и Донскую добровольческие бригады будут еще долго помнить на Кавказе.

Помнить и бояться. Не только горцы знают, что такое кровная месть. В войне двух народов побеждает тот, чья воля

сильнее. Мир будет тем длительнее и успешнее, чем больше вас будут бояться. Чем резче отреагировать на первое же выступление противника, тем дольше он будет сидеть тихо. Лучше один раз всерьез пустить кровь, употребляя всю имеющуюся мощь, чем много лет отвечать на набег набегими. Погибших и пострадавших будет ничуть не меньше, но за эти годы бесконечные стычки войдут в привычку и не вызовут никакого возмущения. Один раз, но решить проблему радикально. Заодно и другие посмотрят и не посмеют нападать, зная, чем кончится.

Не для того создавалась нашими предками Русь, чтобы мы позволили ей развалиться. Восстания поднимались под лозунгами борьбы с «безбожниками, которые попирают власть Аллаха», и мы наглядно показали, что Аллах лучше знает, кто прав. И если для этого надо было убивать священнослужителей, женщин и детей — мы это делали. Нет больше тех аулов и никогда больше не будет, а остальные запомнили, что русские не изменились. Они принесли на Кавказ свою власть, хорошо всем знакомое знамя, и уходить оттуда не собираются.

По отношению к преднамеренному убийству Аллахом предписаны верующим законы (шариат). «О те, которые уверовали! Не следуйте за несправедливым возмездием язычников. Мы предписали вам возмездие за преднамеренное убийство: свободный — за свободного, раб — за раба и женщина — за женщину. Основа возмездия — убить убийцу... Тому, кто не будет следовать в этом шариате и нарушит его, будет мучительное наказание в настоящей и будущей жизни»¹. Мы хорошо запомнили, чему нас учили в детстве.

Мы не просто громили горцев: равнинная территория была теперь плотно заселена крестьянами, завозимыми из Центральной России, где давно уже ощущалось аграрное перенаселение. В горах селили аварцев и дагестанцев, поддержавших русских в самое неприятное время и на которых можно было в дальнейшем положиться. Не потому что они чем-то отличались в лучшую сторону, а нормальная политика, когда слабые группы становятся союзниками врагов своих врагов. Соседи при случае непременно бы им напомнили,

¹ Коран. 2:178.

и старые счета никуда не делись. Вот и удобно было поддерживать такие отдельные группы.

Неплохие участки получили и бывшие добровольцы. Про нефтяные месторождения и раньше знали, но Беноевское, Дылымовское, Чанты-Аргунское, Исти-Суйское и другие находились на территориях сельских обществ, и выход был очень незначительный. Теперь в те места пришел капитализм, и были созданы акционерные общества из новых владельцев. Денег у офицеров, естественно, не было, но под такое дело они нашлись у заинтересованных банков.

Теперь в тех краях бурлит кипучая деятельность, а мы хоть и не стали поголовно миллионерами, но на хлеб с маслом и икрой хватает, и еще остается. Счастье еще, что все прекрасно крутится без меня. Собственно, я даже и не знаю, кто там за меня в поте лица работает. Свои акции я по доверенности отдал на управление в семью, и только стабильно капающие золотые дирхемчики, совсем не маленького размера, регулярно подтверждают, что иногда патриотизм приносит неплохие доходы. Говорят, большой теперь город вырос и железные дороги провели. Сейчас утверждают проект трубопровода, и неминуемо я все-таки стану не просто богатым, а очень богатым Темировым.

Вот там, на Кавказе, я и стал тем, кем стал, изливая на бумагу свои мысли и чувства сначала для себя, а потом начали печатать и в газетах. Может, стиль мой и не слишком красив и кудряв, но писал я правду и, абсолютно независимо от меня, угодил чуть ли не в идейные руководители своего поколения прошедших войну и вспышки восстаний. Вот про Австрийскую я так и не смог писать. До сих пор не могу спокойно вспоминать погибших друзей. Из моего школьного класса всего несколько живых и осталось, а ни разу не раненных и вовсе ни одного. У меня еще легкий случай. Наступал сорок восемь суток, в обороне сидел двести шестьдесят четыре — и триста пятнадцать по госпиталям. Ничего не оторвало и почти целый.

Зато поездил потом по горячим точкам. Китай, Пуштуностан, Турция, Армения, Иудея. Везде, где что-то происходило серьезное, я появлялся чуть ли не первым. В основном это не моя заслуга, а главного редактора «Красной звезды»,

прекрасно умеющего держать нос по ветру и имеющего неплохие связи и в армии, и среди политиков, но писал я о том, что я видел, что интересно было людям, и честно. Насколько это возможно. Абсолютно непредвзятые репортеры — мифология посильнее сказок про джиннов, вылезавших из лампы.

— Так что еду я домой, — честно сознаюсь, — после длительного проживания в дальних краях. Пора навестить родственников и узнать, чего там хорошего за мое отсутствие в стране случилось. А пароход ваш просто случайно подвернулся. Не трястись же мне на обычном грузовом, а ничего больше подходящего не нашлось. Вот собираюсь выяснить, чего интересного происходит в среде богатеньких американцев. Может, повстречаюсь с миллионершей и страшно ее обаяю. Как насчет молоденькой наследницы старого, уже впавшего в маразм Моргана-Ротшильда?

— Много кто есть, — вздохнув, сказала она, — но это не по адресу. Тебе надо пообщаться с этими... пассажирами.

— А вчера ты их называла совсем в других выражениях, — наябедничал я. — Я даже таких слов не знаю — мои учителя их не употребляли, а в книгах не печатают. Очень интересный аспект английского. Раньше я считал, что ругаться только русские умеют.

— Что-то мне подсказывает, — покраснев, сказала она, — что ты все прекрасно понял.

— Так догадаться не так сложно, по общему контексту. Но ты потом повторишь, а я запишу. В жизни пригодится.

«Хотя, — подумал я, — лексикончик был нестандартный, но я и похуже слышал. Солдаты еще и не такое скажут, а эта где набралась? Придется слегка пересмотреть взгляды на скучную американскую жизнь. Они там вроде бы неплохо отжигают».

— Если не секрет, откуда такие познания в русском?

— Мои отец с матерью удрали от вас еще после Австрийской. Эмигрировали в США от погромов. Мы — русины, — гордо заявляет. — Там теперь большая община православных живет, а дома всегда по-русски говорили.

— Не знаю, что тебе рассказывали, но вот православных мы как раз и не трогали, — нарочито обижаюсь. — Поляки —

те да. Очень многим кисло было после войны. А не надо было австриякам задницу лизать. Перед венграми и то так не унижались. А ваших никто не трогал. В России всегда очень лояльно относились к христианским ортодоксам и прочим гонимым. Мы вообще, — иронично улыбаясь, заявил, — сектантов разных и национальные меньшинства любим. Уже почти полторы сотни лет как всеобщее равноправие. Разве что при Каганате на высшие государственные должности не назначали, так давно в Республике живем, и никаких проблем. Вон Царство Армянское какое отгрохали...

— Я пойду, — решительно сказала она и встала.

Не хочет вести дискуссию об этих делах. Уже хорошо. Значит, не глупая и соображает, что на любые воспоминания ее бабушки с бабушкой я моментально завалю ее кучей фактов и законов. Ясное дело, наличие закона еще не означает его выполнения, иногда совсем они не выполняются, но исторического она не кончала и смотреться дурой не хочет.

А армяне нам лучшие друзья, без шуток. Персы их резали, турки не стеснялись, а мы и с теми, и с другими несколько раз воевали. Всегда полезно врага своего врага поддерживать и помочь. Им все равно, кроме Руси, не на кого опереться, и чуть не со Средневековья на нашей земле общины армянские проживали.

— А правда ничего не было? — уже на пороге внезапно спрашивает меня.

— Чистая правда, — положила руку на сердце, подтвердил я. — Но я этого так не оставлю, — сообщил я уже закрывшейся двери, — вечером непременно увидимся!

Я потянулся с большим удовольствием и отправился умываться. С этим на пароходе дело обстоит прекрасно. Обслуга здесь вышколенная, и простыни-полотенца меняют регулярно. Даже в хорошей гостинице не так предупредительны, да оно и понятно. На нашей плывущей роскошной корбке бедняков не водится, а богатым пожаловаться начальству — самое любимое дело. Отвык я от этого общества, да никогда и не вхож был. Тем более не имел раньше дела с этими наглыми американцами.

После душа без особого энтузиазма устался на столик,

где вчера свалил кучу бумаг с выписками. Вытащил наверх пепельницу и закурил, усаживаясь. Договора на книгу у меня пока нет, что там начальству пришло в голову — не очень понятно, но не верится, что дадут спокойно пожить. Не стали бы вытаскивать домой, если бы не имели в заглавнике очередной сногшибательной идеи. Белов мужик хороший, но одно дело личные отношения, и совсем другое — когда звонят с самого верха. Я уже давно могу себе позволить слегка покапризничать и не особо оглядываться на цензуру, но, пока никто не стоит над душой, требуя очередного крайне срочного репортажа, стоит заняться тем, о чем давно мечтал.

Впрочем, подумал, уставившись на исписанную толстую тетрадь, легче загореться идеей, чем ее осуществить. Обычно я не особо задумываюсь и пишу о реальных вещах, естественно добавляя свои мысли. Здесь требуется другой подход. Художественная литература — совсем не очерки на тему «где опять стреляют и кого Руси поддерживать».

А мне вот хочется не просто палец сосать, создавая выдумку, а рассказать об истории своего рода. Слава Аллаху, материала столько, что выше крыши. С детства в голову забивают полную родословную на десяток поколений, а если очень захочешь, можно и глубже залезть.

Первое письменное упоминание о предке еще к XVII веку относится. Тут я поймал себя на том, что вспомнил по христианскому календарю, а не нормально. Привык уже. Поначалу с новым летоисчислением большая беда была. Религиозные праздники по одному — живем по другому. Вечные нестыковки. Из-за лунного года даты гулянок и молитв постоянно сдвигаются. Ничего, на это изобрели в стародавние времена отрывной календарь. Там все точно и подробно написано, и в каждом доме висит. Никаких сложностей.

О чем это я? А! Про нашу знаменитость... Хотя это он в летопись попал в XVII веке, а что там раньше — исключительно в сомнительных устных преданиях. Но я-то сильно умный и совсем не прочь прославиться не только у нас, но и за границей. Значит, требуются подробности, которых ни одному нормальному русскому объяснять нет необходимости. Как начать? Вестимо, с Владимира Святославовича. А вот и

подстерегает самый настоящий облом. Что там дальше было, я более-менее представляю, начиная с детей Ярослава, а с Владимиром полная недомолвок глубочайшая яма.

Большинство документов тех времен пропало в позднейших войнах, часть сознательно уничтожили. Исторические документы, появившиеся до XIV века, дают мало информации о процессах, происходящих на Руси. Распространение мусульманства и методы только изредка упоминаются. Вот убили язычники присланного муллу, и князь их наказал. Как? Что он сделал? Ничего не понять из единственной строчки. То ли вырезал всех до седьмого колена, то ли штраф наложил на поселок. Если духовенство до прихода мунголов и играло важную роль, то это нам абсолютно неизвестно. Несколько легенд и пара упоминаний известных имен. Духовные училища были, и влияние из Персии имелось. Древнерусская ногата соответствовала арабскому дирхаму и получила свое название от арабского слова «накд» — полновесная монета, а точно про происходящее в стране мы уже ничего не узнаем. Да и нынешний дирхем происходит от тех времен.

На Руси при Ярославе появилась «Русская Правда» — свод законов, обязательный для всех жителей Владимирской Руси. Дикая смесь шариата, древних русских традиций и обычаев. И мусульманские богословы потом долго спорили — что применять, а что не соответствует. А как судили кади на местах и чем руководствовались, сейчас не разобраться. Если уж до наших времен дошло так много, что сунниты всерьез считают нас еретиками, косящими одним глазом в язычество.

Пользоваться исключительно предвзятыми византийскими или очень смутно представляющими себе, что происходило на Руси, арабскими источниками — глупо. Но не принимать же на веру Радзивилловскую летопись, написанную предположительно в начале XIII века и сохранившуюся в двух списках XV века. Ведь, если вдуматься, бред натуральный!

«Пришли болгары магометанской веры: уверуй в закон наш и поклонись Магомету. Спросил Владимир: какова же вера ваша? Они же ответили: веруем Богу, и учит нас Маго-

мет так: совершать обрезание, не есть свинины, не пить вина, зато многоженство разрешено. И сказал Владимир: на Руси есть веселие пить, и не можем без того быть».

А вино? Так мы медовуху больше уважаем. Что там сказано точно? И ответили болгары растерянно. В суре 5-й «Трапеза» говорится: «О вы, которые уверовали! Вино, майсир¹, жертвенники, стрелы — мерзость из деяния сатаны. Сторонитесь же этого — может быть, вы окажетесь счастливыми! Сатана желает заронить среди вас вражду и ненависть вином и майсиром и отклонить вас от поминания Аллаха и молитвы. Удержитесь ли вы?»². И еще: последователям было сказано не приступать к молитве в нетрезвом состоянии.

«Я правильно понял запрет на вино?» — спросил Владимир. И сказал Путята: «Проклят, кто растит виноград для брожения. Напротив, выращивание фруктовых деревьев с целью есть или продавать их плоды — добродетельный акт, за который Аллах награждает нас».

Самое важное для Владимира было — выпить, других забот на тот момент не имел. В византийской истории еще и похлеще имеется, про блуд, которым князя болгары соблазняли. Типа на этом свете можно иметь четырех жен и любое количество наложниц, а на том — еще и эскадрон девственниц. Ну да, гуляка был князюшко, о чем и в старых сказаниях отголоски имеются, так он и без того, по слухам, имел не то две, не то три сотни подходящих девиц.

Еще и Путята стоит сильно умный рядом. Кто такой — летописец запомнил объяснить, а больше он ни разу не упоминается. Хотя вру. Еще Киев грабил позже, громя христиан, но это уже в скандинавских сагах проскочило, и там имена вечно коверкаются, может, и не тот. В русской летописи отсутствует — там упор на деяния князя Владимира, и она явно несет следы подражания сказаниям о Святославе. Пришел «аки пардус» и обрушился на головы своих врагов! Результат вышел для киевлян неприятным. Вся христианская община была уничтожена. Церкви и молельни Христовых слуг были преданы огню.

Путята — судя по имени, славянин, как и упоминающий-

¹ М а й с и р — азартные игры (*араб.*).

² Коран. 4:43.

ся по соседству Добрыня, но запросто цитирует Коран на арабском. Случайно мимо проходил. Абсолютно темная лошадка — не удивлюсь, если вставленная потом. Особенно хорошо у летописца прозвучало, что Владимир устраивал диспут-соревнование между миссионерами разных религий. А то он был незнаком с христианами и булгарами. И с теми, и с другими не так давно рублились и торговали уже не первый год.

На самом деле более логичным было принятие христианства. Первые сведения о появлении крещеных и наличии церквей в Киеве у руссов относятся к 860 — 870-м годам. Основной торговый маршрут шел через Киевские земли на юг. Классический путь из варяг в греки. И стали бы мы, русские, нормальной католической Европой. Со всеми присущими им грехами и добродетелями. Про греческую ортодоксию мне даже думать страшно. Посмотришь на Балканы — и плакать хочется от тамошней паршивой жизни. Все православные государства плохо кончили, а без Руси до сих пор сидели бы под турецким задом и не трепыхались.

Были в очень логичном принятии христианства только две изрядные проблемы. Одну из них современный историк Рыбаков, автор многих книг по истории Руси, очень точно обозначил: «Цесарь империи был в глазах ортодоксальных греков наместником бога и главой как государства, так и церкви. Из этого делается выгодный для Византии вывод: любой народ, принявший христианство из рук греков, становился вассалом греческого императора, политически зависимым народом или государством».

Принятие христианства недвусмысленно ставило Русь в подчиненное отношение к Византийской империи и давало повод для признания своей вассальной зависимости от Василевса. Неминуемо Русь бы заплонили греческие монахи, и указания они бы получали от своего руководства. При том слиянии церкви и государственных органов, которое существовало в Византии, христиане обязательно начали бы проводить политику, идущую вразрез с чаяниями княжеской верхушки. Ко всему прочему, принятие христианства отрезало для Владимира путь его отца Святослава — стремление к созданию империи под своим началом. Ничего в этом

смысле Владимир не выигрывал, крестясь. Перед глазами был пример балканских болгар, попавших в подчинение к Византии и воюющих за свою свободу. Одна вера мешала убивать друг друга? Нет!

Именно поэтому он, скорее всего, и не пошел старой, наиболее логичной дорогой. Византия очень внимательно следила за сохранением контроля над берегами Черного моря. Самостоятельно разгромить ее на тот момент было крайне сомнительным мероприятием. Требовались союзники, а лучше подчиненные, покорно следующие за Владимиром.

Мусульманство, в отличие от христианства, давало относительную независимость. Прямого подчинения халифату не было, зато в противостоянии с христианами появлялась новая серьезная нота. Ко всему он еще и автоматически превращался сам в главу мусульман, на манер халифа в своих владениях, и мог контролировать действия особенно фанатичных деятелей и указывать им правильное направление. Совсем немаловажное обстоятельство — совмещение духовной и государственной власти в одних руках.

Требовалось окончательно закрепить подчиненное положение волжской Булгарии, а без общей религии это было практически невозможно. Мусульмане всегда будут косо смотреть на язычников. Заодно у него появился мощный и богатый вассал, послушно присылающий армию для борьбы с Византией.

Учение Мохаммеда (мир ему) на тот момент было более прогрессивным и отвечало стоящим перед Русью задачам, проповедуя экспансию. Заодно оно и содействовало решению внутренних задач. Ислам позволял принять мировую религию — и при том противопоставить себя тем, кто нес веру в Христа.

А торговля от этого не исчезла. Более того, с подчинением Крыма и в весомом опасении нового нашествия руссов Византия подтвердила старые договоры 911 и 944 годов, обеспечивающие интересы Руси. Право посещения Константинополя и нахождения в городе в летние месяцы было четко зафиксировано в очередном договоре. Очень не хотелось грекам получить еще одну серьезную войну. Неофиты

всегда рьяны доказывать превосходство и не стесняются применять оружие в спорах. Конечно, потом неоднократно договор нарушался, но такое и раньше бывало. Зато теперь Русь имела свободный выход к Черному и Азовскому морям, брачные связи с вассальной Булгарией и не нуждалась больше в посредниках при прохождении по Волге вплоть до Каспийского моря.

По-прежнему товары шли с Востока на Запад, но теперь они все проходили через руки Кагана. Уже не князя, а самого настоящего хозяина империи. Походы еще были неоднократно, приводя к окончательному повиновению Булгарию, затем на юг, на север.

Для большей связности территории и пытаясь убрать из-под христианского влияния своих ближников (а в Киеве даже после уничтожения наиболее одиозных проводников греческой политики влияние торговых интересов слишком сильно чувствовалось), Владимир основал в качестве своей новой столицы город на Оке — так, чтобы и до Днепра, и до Волги было одинаково близко, — заодно отрывая новообращенных от их земли. Теперь они служили не своим племенам — исключительно лично ему. Заодно и убрал подальше от вероятного удара с Запада свою столицу. Не так много времени прошло, и уже при внуках его боролись не за великокняжеский престол в Киеве, а за город, откуда правит Каган, — город Владимир, столицу государства Русь. И называлась страна, уже даже расколота, все равно Владимирской Русью.

Вторая проблема была не менее важна, может, даже и более. Кто, собственно, был Владимир? Убийца собственных братьев. Сын рабыни.

Власть взял силой при помощи норманнских наемников. Законных прав на престол не имел и, что называется, сидел на штыках. В его случае — на мечях чужаков. Его власть была неустойчива. Христиане его не выносили, судя по всему. Он мог удерживать страну военной силой, но при малейшей оплошности голову поднимут недовольные, подзуживаемые из Константинополя. Владимиру требовалась опора на стороне. Побитые хазары на эту роль не подходили, а Аллах, как

победоносный Бог, вполне попадал в его понятия и ментальность.

История доказала правоту князя. Росли стремительно города. С Востока шли не только товары на продажу, но и культура. Как бы к этому ни относиться сейчас, арабский мир был на подъеме, и многие раритеты, попавшие на Запад, включая книги, потерянные в Темные века, пришли в переводах именно от арабов. Русь познакомилась с ними гораздо раньше Европы. Важнейшее последствие, перекрывающее все его достижения и неудачи, состояло в том, что никогда на Руси не было крепостного права. Мусульманин не может быть рабом мусульманину! Мы не пошли по пути Европы и ничуть об этом не жалеем.

* * *

— И чего хорошего вы добились? — убежденно говорил мне страшно известный во всем говорящем на английском языке мире комик. Даже в кино снимался, но я так и не удостоился сходить. Фамилию его я не помнил и звал исключительно «сэр Чарльз».

До сэра он на самом деле не дорос, так и оставшись на всю жизнь классическим еврейским типом, и постоянно подчеркивал это в своих репризах. Он вполне справедливо рассудил, что, если уж все равно обратят внимание на внешность, лучше довести это до крайности, — тогда будут смеяться не над внешностью, а над словами.

Впрочем, как в анекдоте, звать его было не надо: он с удовольствием сам подсаживался и уже не закрывал рта. Не за качественную ресторанную еду старался, которой я его с удовольствием угощал, внимая пламенным речам. Концертную группу не обижали, и они неплохо столовались — он работал в основном за дорогую выпивку и желание пообщаться.

Кладезь информации такие люди. Теперь я знал множество подробностей про свою новую знакомую. Зовут Эшли Гран. Как я подозреваю, на бывшей родине родители были кем-то вроде Граневских. Анастасия — это на самом деле сценическое имя. Продюсер придумал для звучности и экзотики.

Двадцать пять лет. Мужа нет, постоянного любовника тоже.

Жила в детстве в каком-то захолустном американском городке с населением под двадцать тысяч. Никогда такого названия не слышал, но это и не суть важно. Отец — обычный работяга на заводе. Мать пробились в учительницы в школе, что совсем непросто. К моменту приезда была не девочка, уже своего ребенка имела. Чему-то там мисс Гран училась, и это семье без особых капиталов, живущей от зарплаты до зарплаты, дорого стоило.

Эшли имеет характер и мозги тоже. В том, что она петь умеет, я и раньше не сомневался. Необязательно быть самому певцом, чтобы оценить голос. Училась у небезызвестного Стивенса. Про этого я тоже слышал, правда, в несколько ином качестве, чем самозабвенно хлопающие американские граждане. Он специально приезжал в Россию просить за американского шпиона, не первый год томящегося в камере. Где, интересно, эстрада и где шпионы? Ну надо ж понимать, что мы очень любим джазменов на самом высоком уровне, и иногда проще договариваться неофициально. Тоже вроде меня — в штате не состоит, но отдельные просьбы с энтузиазмом выполняет. Всю жизнь терся возле начальства и замечательно жил.

На каких-то конкурсах начинающих исполнителей Эшли занимала первые места. Даже почти успела отхватить главную роль в мюзикле, но грянул скандал, и так хорошо начавшаяся карьера неожиданно оборвалась. Мне вот такие действия, когда слишком много себе позволяющие богатые козлы лезут под юбку и получают резкий отпор, нравятся. Обычно много о себе воображающая богема за пачку денег сделает все, что угодно. Жизнь этот представитель золотой молодежи ей всерьез испортил, но и ему показываться по прежнему месту проживания не рекомендуется. Газеты любят вспоминать надетый на голову салат и обязательно припомнят при первом удобном случае о попытке ударить слабую женщину и о метком ответном пинке по яйцам.

Не сказать, что эта известность принесла большие доходы. На работу больше не брали. Не любят старательно изображающие пуританское воспитание американцы скандалов

на сексуальной почве. Кто виноват, обычно слабо разбираются и на всякий пожарный осуждают обе стороны. Женщине достается больше. У нас ведь тоже есть замечательная поговорка: «Сучка не захочет, кобель не вскочит». Ну да на Руси за явные приставания родственники и прибить способны. У них другие порядки. Если раньше требовались знакомства вроде того же Стивенса, то теперь исключительно деньги. На радио дай, даже интервьюерам из газет тоже дай. Чем толще пачка, тем лучше. Денег не было. Чарльз назвал минимальную сумму в десять тысяч долларов. Для дочки рабочего и учительницы — совершенно невообразимые деньги.

В обычной жизни, а не на эстраде сатирики шутить не любят, и тянет таких профессиональных юмористов на философию и черную меланхолию. Глаз они при этом имеют наметанный, и язык прекрасно подвешен, так что и слушать интересно, и мысли неглупые. Если хочешь что-то узнать, спроси мимоходом — и получишь точную справку. Главное, не сбивай, когда он уносится в очередные дебри страданий по высокой опошленной идее демократии. Все остальные уже многократно слышали эти речи, но я, как новый человек да и, откровенно говоря, слегка интеллигентный и с деньгами, просто напрашивался на роль слушателя. Встать и уйти после столь подробной информации было неудобно. Да и все равно ждать закрытия. Почему не побеседовать...

— И чего мы, русские, в очередной раз такого ужасного сделали? — незаинтересованно спрашиваю. Что мне надо было, он уже выложил, а теперь в качестве гонорара желал поучить уму-разуму.

— Зачем, — с изрядным возмущением восклицает, — вашему Магди Салимову понадобился этот иудейский проект?

— Вам как, официальную версию, — лениво спрашиваю, — ту, что для евреев предназначена, или о чем говорят на всех базарах Азии?

— Я читал ваши статьи, — хмуро говорит еврейский сэр, — и умею догадываться о том, что прямо не сказано. Это, знаете ли, умение, вырабатываемое с опытом. Так что юмор ваш совершенно неуместен. Ничего опаснее нельзя было придумать, чтобы раздуть ненависть к себе.

Я понял, что сейчас он вполне серьезен и отшутиться не удастся, а послать крайне далеко не хочется. Не за этим пришел. Придется выслушать — как будто не знаю, о чем речь. В сто первый раз. Мало я такого слышал дома. И этому я тоже печенку проел, чему сильно порадовался бы в другой обстановке, но не на отдыхе же!

— А где, простите, вы могли меня читать, да еще и так, чтобы нюансы скрытого смысла улавливать?

— В американских газетах ваши репортажи регулярно печатали длительное время. В переводе, понятно.

— Подать в суд, что ли, за нарушение авторских прав? — задумчиво поинтересовался я.

А то я не в курсе, что мои репортажи (с жалобами на бесчеловечное поведение англосаксов и их вассалов с мирным населением и героическую оборону еврейских крестьян, старательно отбивающихся от регулярной армии старыми ружьями) перепечатал с десятков газет по всему миру. Больших. Про мелочь я даже не интересовался. Кое-кто даже честно заплатил, но это все шло через редакцию, а у нас в Республике валюту очень любит государство. Мне исключительно дирхемы на счет приходили. После вычета налогов.

— Списочек мне составьте на досуге. Ехать неохота и дорого, а то бы стоило заняться.

— И все же!

— Ну хорошо, — покорно согласился я. — Вы можете смело требовать меня к ответу, не забывая про закон, в котором сказано... — Я напрягся чтобы воспроизвести дословно, и процитировал: — «Умаление русской нации, государства и республиканских институтов грозит тюремным наказанием от полугода до двух».

Я посмотрел на его покрасневшее лицо, наклонился вперед и очень тихо спросил:

— В Одессе на берег сходить будете?

— А что, — опасливо глядя на меня, спрашивает, — могут?

— Да ну вас! Я пошутил, — заявляю, наливая ему дорогого коньяка. — Это надо очень постараться, чтобы попасть под соответствующий параграф. И применяют его исключительно к политическим болтунам. За действие кое-что поху-

же положено. В очередной раз прихожу к выводу, что юмор американского народа — это юмор простонародья, сбегавшего в давние годы от своих более образованных собратьев. Шутки все основаны на ситуации... упал, тортом в рожу, ведро с водой сверху. Зал доволен. Не понять русского человека вам, простодушным англосаксам... Э... простите, воспитанным в англосаксонском обществе.

— Ничего, я не обиделся, — пробормотал Чарльз, нервно хлопнув рюмку как воду.

Натурально, решил, что я прямо сейчас побегу докладывать в Управление Политической Безопасности. Дикие люди живут в США, абсолютно не понимают, как мы существуем. Законов у нас много, но применяются они крайне редко. Абсолютно та же история и с чиновниками. Никто не хочет брать на себя ответственности. За решения надо отвечать. Хорошо, если все пойдет в правильном направлении, а вдруг что случится? Могут и с теплого места попросить. Так проще — не разрешать и не запрещать. Пусть все течет, как течет. Вот и получают у нас вечные кампании. Сверху пришел начальственный рык — все засуетились и какое-то время старательно борются с коррупцией, феодальными пережитками, вводят очередную проверку фиг знает на что, или вырубают виноградники в Крыму: раз уж вино не позволено, так и быть не должно, — теперь вот завозят для пьющих из-за границы. Годик-два проходит, и все возвращается на круги своя. Хорошо еще, что большинство серьезных программ идут по планам и с государственным контролем. При нашем всеобщем бардаке умудрились Францию с Англией по многим показателям обогнать.

— Кстати насчет «не обиделись». Именно в этом ваша проблема.

— Не понял, — удивился он.

— Вы хотите быть таким же человеком, как и все прочие. Уверенно говорите про культуру, в которой воспитаны. Конечно, европейскую или, на худой конец, англосаксонскую. Уж простите меня, с культурой в США в этом смысле плохо. Все больше завозное. Есть, правда, несколько неплохих писателей, но пока что больше похвастаться нечем. Оно и понятно — нация молодая, еще в процессе становления. Идет

ассимиляция эмигрантов и переваривание их в один общий народ. Вот в этом и таится ловушка. Вы живете в протестантской стране, где, при всем декларируемом равноправии, люди не обладают равными правами.

Негр может быть сто раз образован и богат, но его не пустят в дом, не примут в клуб, и он даже должен сидеть на разных скамейках с белым в одном автобусе. Такого явного отторжения нет с католиками или евреями, но они тоже стоят отдельно, и изменится это еще не скоро, если когда-нибудь изменится вообще. Общество отталкивает вас. Граница проходит по религиозному признаку, и, пока вы этого не усвоите, никогда не сможете влиться в единый народ.

Рано или поздно еврей, воспитанный в другой культуре и сознательно принимающий ценности общества, в которое он стремится войти, приходит к настоящей необходимости выбора. Оставаться верным своей религии и тем самым быть аутсайдером в среде, к которой он так стремится, — или стать в обществе равным ценой полного и бесповоротного разрыва с еврейством.

Вот только попытавшись отказаться от своей религии, все равно — крестились или просто не верите в Бога, — вы невольно начинаете проявлять агрессивную антирелигиозность по отношению к оставленному еврейству. Я не врач-психиатр, чтобы ставить диагнозы, но есть в этом что-то подсознательное, доходящее до ожесточенности. Попытка заставить остальных, идущих по другому пути, принять ваши идеи. А если они не желают, то тут уж недалеко до ненависти и призывов к уничтожению отторгнутого вами же мира.

Вы считаете, что евреи ничем не отличаются от остальных людей? Прекрасно! Почему тогда они не имеют права на свое государство? Почему они вечно должны подставлять другую щеку и проявлять не свойственный ни одному народу бесконечный гуманизм? Почему они должны прятаться, а не уподобляться остальным народам? Они не желают в них растворяться и не должны принимать чужих ценностей и культуры. Они не обязаны видеть действительность, в которой живут так, как желательно другим народам, и вполне способны создать действительность, в которой будет жить ком-

фортно. Очень вероятно, что идеального государства и общества не получится, но его в принципе не бывает нигде. Так что пусть живут, строят, воюют и набивают собственные шишки, и уж не ваше дело давать указания.

— Они строят, — вкрадчиво сказал Чарльз, — они воюют. А где в этом ваше место? Вас — русских?

— Да там же, где и Великобритании, — равнодушно сказал я. — Когда по результатам Австрийской войны начался передел колоний, они вместе с Францией разинули рот слишком широко. России попытались указать на место в заднем ряду победителей. Вот за что я уважаю Диктатора — так за умение правильно маневрировать в море мировой политики. Дома у него могут быть серьезные проблемы, но уж на очередной конференции он своего не упустит. Не подложить свинью много о себе возомнившему королю было бы просто глупо. Вот и сменяли Месопотамию (с теоретически возможными нефтяными месторождениями), где стояли наши кавалерийские полки, на никому не нужную полупустую Палестину. Природных ископаемых нет, прямой заинтересованности, если не считать христианских святых мест, ни у одного государства, но мы честно согласились на совместный контроль над всеми этими церквями. Пусть за свой счет перестраивают и реставрируют. Не нам же этим заниматься! Получили ВМБ в Средиземном море и возможность в любой момент прихлопнуть перевозки по Суэцкому каналу. Что, они не понимали? Еще как сообразили. На тот момент дыра дырой и специальный запрет на ввод серьезных армейских частей. Разве что для контроля за границами. В Ираке мы бы все равно не удержались — на Руси тогда слишком много проблем было, и к прямому столкновению с так называемыми союзниками сразу после большой войны не были готовы.

Этот самый премьер-министр Великобритании лорд Мюррей решил нагадить и протолкнул резолюцию о подготовке на территории Палестины политических, экономических и административных условий для образования еврейского национального государства. Большие страны всегда норовят решить за счет малых свои проблемы. Вот не справится Русь — можно пересмотреть этот параграф междуна-

родного договора. А где один, там и другой. Мы уж постарались... Так серьезно, что Англии сильно кисло стало... Вот пусть теперь и кушают независимую и дружественную Руси Иудею.

Апрель 1929 г.

Я специально выехал пораньше, чтобы успеть проехать по холодку, но, как оказалось, ничего на этом не выиграл. Со стороны Синайской пустыни дул горячий ветер, и в восемь часов утра уже было страшно душно и жарко. Из-под колес с так называемой дороги летела пыль, и только скорость частично спасала, оставляя ее сзади. Здесь места не имели ничего общего с классической Сахарой. Множество вади, высохших ручьев, наполняющихся только в сезон дождей, изрезали каменистую землю. Иногда попадались колючие кустарники, услада верблюдов, и даже одинокие деревья.

Две колеи бесконечно петляли меж невысоких холмов, и я целеустремленно двигался вперед в надежде куда-нибудь доехать. По здешним местам раньше кататься не приходилось. Я вообще не был уверен, проехал я уже границу или нет. Все равно никаких предусмотренных в Европе столбов и прочих примет при всем желании не обнаружить. На нормальной дороге стоит таможня с солдатами, но я специально и в Синай, и обратно объехал ее стороной.

Ближе к морю тянулась полоса обрабатываемых земель, но вот как раз туда я заезжать и не собирался, стремясь объехать по дуге арабские поселки. Переться напрямую в одиночку было не слишком разумно. Большие надписи «Пресса» на моем почти новом автомобиле совершенно не гарантировали от обстрелов. Арабы вообще в массе безграмотны, но в последнее время взяли за моду палить по любым проезжающим машинам, если это не армия. Те их уже пару раз всерьез поучили, устроив мешающим движению маленький погром. Здесь еще ничего выходящего за рамки не случилось, а под Иерусалимом две деревни целиком сожгли, выгнав население через Иордан, и таких умников больше не наблюдалось.

Что творилось вдоль побережья, я представлял себе смутно, но, судя по интервью, взятому у очередного героического шейха из «мусульманских братьев», ничего приятного. Я ему, правда, забыл сказать, что по происхождению русский, а то бы мог и вовсе не вернуться из гостеприимных объятий. Честно сознался, что представляю турецких читателей. На самом деле печатаюсь. Аж в трех газетах, внештатным корреспондентом. Денег на таких вещах особых не сделаешь, но зато могу с искренними глазами показывать документы в подобных случаях. Еще названия у них замечательные: «Свобода», «Родина» и «Новая жизнь».

Достал меня Абу-Магомед до невозможности. Как представлю, что мы могли превратиться в нечто похожее, так прямо в дрожь бросает. Сначала два часа разговоров в стиле «я тебя очень уважаю».

— Как здоровье?

— Прекрасно, слава Аллаху.

— Как урожай?

— Очень хороший, слава Аллаху.

Какой, к шайтану, урожай, если я, корреспондент из Турции или даже из самого Лондона, приехал с ним лично познакомиться? Жить не могу без мудрых слов из его уст! Сроду ни я, ни семья не выращивала ничего, кроме нескольких яблонь в малюсеньком дворике городского дома у забора. Но послать его нельзя. Вежливость. Восточная, приторная, как патока. Он таким образом проявляет уважение. Отвык я от этого дела давно. Разве что по глухим деревням еще осталось. Послевоенное поколение взяло за образец деловой стиль и длинными отступлениями не заморачивается.

— Как брат?

— Сыновья?

— Здоров ли отец?

— Как доехали?

И тому подобное в течение всего разговора. И все это произносится совершенно машинально, внимательно выслушиваются ответы, совершенно его не интересующие, и задаются зеркальные вопросы. Я ведь тоже должен интересоваться его родственничками, хотя меня гораздо больше занимает это сборище на улице. Масса непонятого народу,

вооруженного как старинными охотничьими ружьями, так и новенькими английскими магазинными винтовками и даже парочкой французских легких пулеметов с дисками времен Австрийской войны. Одеты — кто во что горазд, я даже успел заметить двух в остатках египетских мундиров — не иначе как дезертиры, — но большинство в стандартно грязных галабиях. Это вроде длинной мужской рубахи, обязательной для всех местных арабов. На ногах стандартные сандалии, не скрывающие грязных ступней.

Различают они друг друга по платкам на голове. Цвета и клеточки — черные, синие, красные — моментально сообщают понимающему множество подробностей о происхождении человека, его племени и роде. Вот у шейха красный. Я не могу сказать точно, из какого он клана, но что бедуин — никаких сомнений. Бедуины всегда очень отличались от оседлых арабов и принявших мусульманство местных народов. Они были кочевники и презирали копающихся в земле. За столетия контактов почти никогда не происходило и смешивания. Однако в военном смысле бедуины имели больше возможностей, привычные к нападениям и оружию. Сейчас вечные любители налетов и грабежей уже прибыли и претендуют на руководство вторжением.

Опять звучат церемонные речи, от которых меня скоро стошнит, но я мужественно показываю класс, переплюнув шейха по всем показателям. Мой учитель арабского языка из медресе может смело гордиться собой. Где-то в самой глубине головы у меня имеется маленький чуланчик. Он постоянно закрыт, но в подобных случаях дверь автоматически открывается, и изо рта начинают изливаться такие жуткие и закрученные обороты, что никакому нормальному арабу со мной не сравниться.

Помнится, Волчов так и говорил: «Чтобы читать Святую книгу и понимать, что там написано, надо знать язык в совершенстве». Тогда мне меньше всего хотелось изучать Коран в подлиннике. Мы ж были подростки эмансипированные, обожающие просвещение и технику, а эти старые традиции высмеивали. Да ведь и все прекрасно знали, что медресе, в котором мы учимся, — исключительно название раньше было. Любой ученик, окончивший его до Окаянно-

го, получал знания не ниже самой замечательной иностранной школы. И только с его приходом уроков богословия становилось с каждым годом все больше, а точных наук все меньше.

Кто ж мог догадаться, как это пригодится? Я исполняю поэтичную сагу о величии собеседника, вплетая в речи соответствующие цитаты. Шейх восхищен моим красноречием.

Наконец поданы очень маленькие чашки крепкого сладкого кофе, и пир начался. Ну очень маленькие, и очень крепкий кофе, сваренный только что. Его приносят не для того, чтобы утолить жажду, — это обычай гостеприимства. По кругу пошла чаша и графин с водой, чтобы каждый мог окунуть пальцы перед едой, так как арабы еще не научились кушать ножами и вилками. Мы сидели в шатре на заботливо подстеленных коврах, и большие блюда с рисом и бараниной были поставлены прямо на пол. Пищу хозяин шатра брал жирными руками и, проявляя уважение, клал на тарелку гостя. Хорошо, что я не брезгливый. После того как в свое время, перед госпиталем, в ожидании операции сидел прямо на замерзшем насмерть раненом и с наслаждением хлебал горячий суп, у меня никаких проблем ни с питанием, ни с соблюдением правильного приготовления пищи. Заставить любого сильно верующего три дня не есть — и свининой не побрезгают. Впрочем, это русским как раз можно, если на войне, за что «истинные правоверные» нас всерьез недолюбливают.

Продолжаем тянуть вола за хвост. Этикет...

Неприменно оставить на тарелке часть еды. Старательно рыгнуть, показывая сытость. Лучше не один раз.

— У вас плохой аппетит?

— Нет, слава Аллаху.

— Может, пища плохо приготовлена?

— Баранина превосходная. Давно ничего лучше не ел.

И так далее и тому подобное. Наконец ритуал соблюден полностью, пора переходить к делу. Осторожный вопрос многочисленными восхвалениями хозяина — и он, надуваясь от гордости, начинает исполнять арию не хуже соловья. Многословно и подробно, с бесконечными отступлениями и рассказами о великих подвигах предков и огромной добы-

че впереди. Остается только поддакивать и подкидывать наводящие вопросы. Про военную тайну ему в детстве никто не объяснил, но я ведь тоже не разведчик. Эти своего источника под пыткой не выдадут, а нам обоим известно, что требуется как раз обратное. Нельзя отказывать герою в рекламе. Все будет в газетах, и желательно предварительно поделить его воинственные речи на три. А еще лучше на пять или десять эту похвальбу.

Так... А это еще кто на мою голову?

Я начал притормаживать, рассматривая препятствие. Впереди оборудовали что-то вроде шлагбаума, и объехать его нельзя. На обочине воткнули большие фанерные щиты с многозначительной надписью «Мины». Положим, столько у них быть не может, чтобы все кругом утыкать, кто бы ни были «они». Хвала Аллаху, не десятый год и окопов через всю страну нарыть не успели. Если что, надо просто сворачивать и смываться без всякой дороги.

О! А это уже гораздо приятнее! Те два типа, что зашевелились у шлагбаума, относятся к породе его родственников. Только Розенбаумы с Гольдбаумами и разными Айзенштейнами способны шляться в шортах на этих холмах. Феллахи такого не одобряют. Побить не побьют, но плевать непременно будут. Куда ж это меня занесло? Два блока еврейских должны были слева остаться. Гуш-Мидбар¹, что ли?

Медленно, чтобы не пугать, подъезжаю поближе. Парни настороженно следят, встав так, чтобы не мешать друг другу. Один поднял руку, останавливая, но в правой привычно держит кавалерийский карабин российского образца. Хорошо знакомый друг «семашко». У меня у самого такой дома остался, только еще и с немецкой трехкратной оптикой. Второй чуть сзади, с американским автоматом Томсона. Тем, что с большим диском на семьдесят патронов. Тяжелый и при стрельбе вверх и вправо задирает, но в ближнем бою неплохая вещь. Стоит не меньше сотни долларов. Кучеряво живут здешние евреи.

— Корреспондент газеты «Красная звезда» Берислав Темиров, — бодро представляюсь. — Еду с Синая, с последними новостями. Не очень для вас приятными. Совершенно не

¹ Гуш-Мидбар — пустынный блок (ивр.).

собирался посещать вас, но заблукал. Ни указателей, ни приличных дорог.

— Гельман, — говорит тот, что с карабином. — Если уж новости, то извольте проехать в гости. Всем интересно будет послушать. Вы ведь не торопитесь?

«Ага, — думаю, — а если откажусь, тут и начнут дырявить из американской машинки. У этих бдительность на высоте. Может, и правильно».

— Садись, — говорю. — Покажешь дорогу. Тебя как зовут?

— Юрек, — лаконично сознался он, перелезая через бортик и недовольно морщась. Конечно, я его прекрасно понимаю. В закрытой машине по иудейской жаре не поездишь, а в такой, как у меня, без крыши, с одним брезентом, все внутри в пыли. Зато авто — зверь. Специально для бездорожья приспособлено. Кто бы мог подумать лет двадцать назад, что в России такие лялечки выпускать будут? Я бы лично посмеялся. А все от нашей непроходимой лени. Дороги где подалее от больших городов — не лучше здешних, и люди с приличными заработками предпочитают покупать бездорожники. Начиналось с обычной сборочной мастерской, а сегодня марка «Русман» известна всему миру и выпускает еще и грузовики на трех больших заводах. Грузовики у них получаются хуже американских и немецких, и двигатель лицензионный, зато дешевле. А вот бездорожники уходят со свистом, даже несмотря на совсем немаленькую цену.

Наивные заграничные люди думают, что «Русман» означает «русский человек» и является торговой маркой. На самом деле Русов назвал автомобиль в честь самого себя. Его папа в мечеть не ходил и звался как раз Русманом. Оставив наследнику несколько миллионов и купеческий дом, он и предположить не мог, что тот ударится в инженерное дело. Сын всегда имел прекрасный нюх на перспективные изобретения и замечательную хватку. На улицах еще стреляли, выясняя, кто власть удержит, а он нанимал лучших инженеров, сидевших без работы, и в четырнадцатом году продемонстрировал в американских автосалонах первый в мире автомобиль с передним приводом, делающим его более устойчивым и маневренным. Уже в пятнадцатом он продал

почти три тысячи машин, а в этом году заводы выпустили почти сто тысяч бездорожников, экспортируя их во многие страны.

Далеко ехать не пришлось. Метров через триста стали видны дома и работающие люди. Весь поселок был обнесен в два ряда колючей проволокой, а теперь перед зданиями копали убежища. В огромные ямы, метра в три глубиной, ставили деревянные каркасы для стен и потолка. Уже готовы были железные листы для покрытия крыши. Таскали мешки с песком и камнями, чтобы засыпать их сверху.

Меня отвели в еще одно подземное помещение, меньшего размера. Я с любопытством осмотрелся по сторонам. Тут стояла аппаратура для радиосвязи и примитивный телефонный коммутатор. Еще имелось несколько стульев и узкая раскладная койка у стены. Натуральный командный пункт, причем построен хорошо разбирающимся в этих делах. Тяжелой артиллерии в окрестностях нет, а все остальное перекрытия должны выдержать. На стене две карты. Сам поселок с любовно нарисованными зданиями и карандашными пометками позднейшего времени, обозначающими позиции. Кто-то здесь получал знания в российской армии. Очень знакомые значки.

Вторая изображала окрестности. Явно самодельная, но тоже опытной рукой сработана. Мораг, Гадид¹ и Слав, где я находился. Не от «славян»: это значит — мирный. Буйная фантазия у здешних жителей. Мирно собирают урожай. Последние полгода кругом сплошное дружелюбие и любезные объятия. Три поселка, расположенные неравнобедренным треугольником, в совершенно неудобном для обороны виде.

Поселки ставили совсем с другой целью и там, где это было нужно для сельского хозяйства. Почва истощена и давно не обрабатывалась, поэтому и продал хозяин этот кусок так легко. Что бы там ни кричали англичане с арабами, случаев конфискации земли было совсем немного. Теперь даже при беглом взгляде становилось ясно, что прикрывать они друг друга не смогут. Это не блок, как положено, а три отдельных точки, крайне неудобных для обороны.

— И как смотрится? — спросил серьезный голос.

¹ М о р а г — цеп, г а д и д — урожай (*шпр.*).